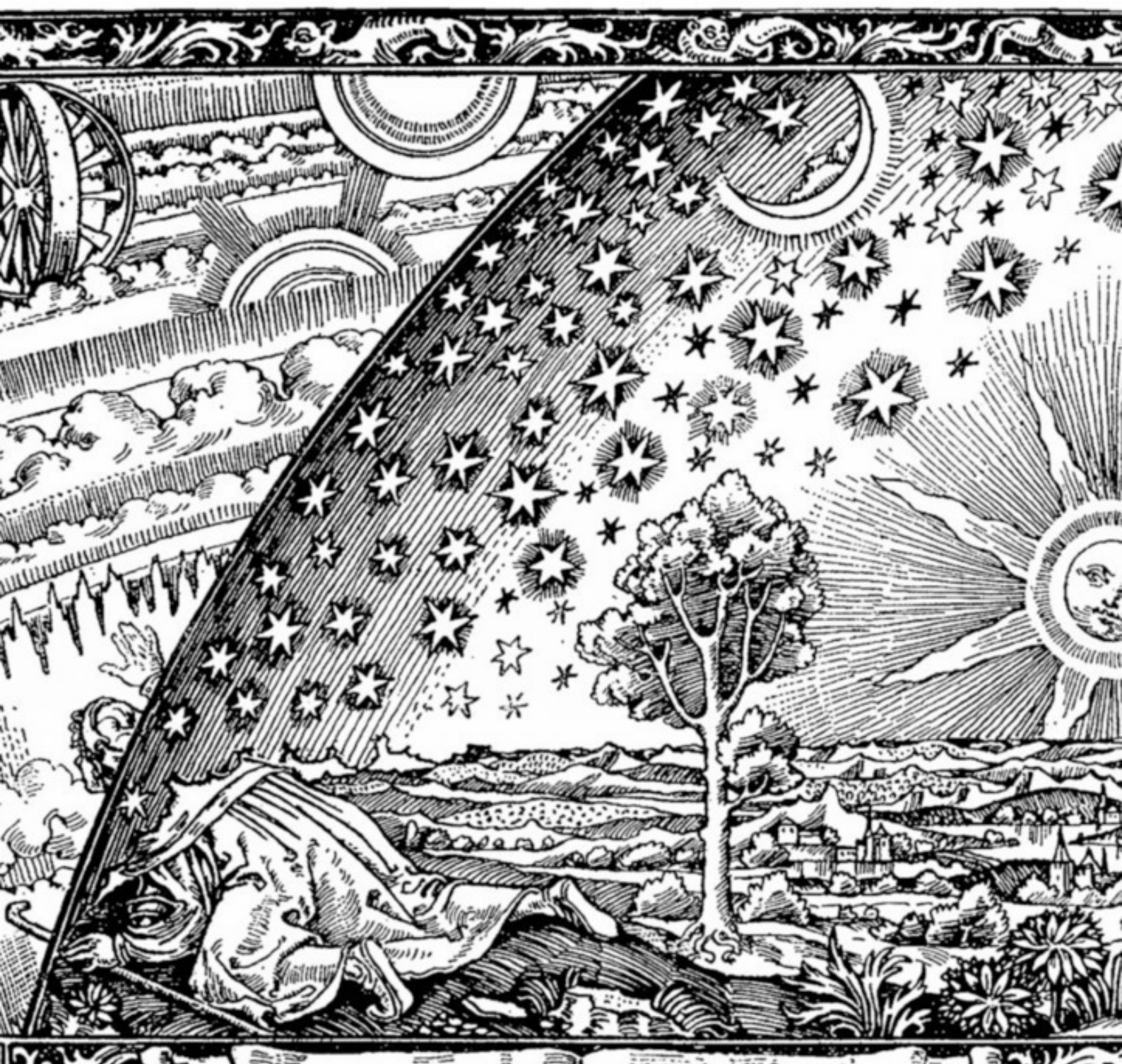

Андрей Козырев
Игра в бисер

Андрей Козырев

Игра в бисер

«Издательские решения»

Козырев А. В.

Игра в бисер / А. В. Козырев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906633-6

Поэтический сборник «Игра в бисер» представляет избранные стихи известного омского поэта Андрея Козырева за 2017—2018 годы.

ISBN 978-5-44-906633-6

© Козырев А. В.
© Издательские решения

Содержание

Игра в бисер	6
Бесы	7
Козырев – Кутилову	9
Мона Лиза	12
Горькие сонеты	14
«Моей работой стало – вспоминать...»	14
«Всё стало ясно. Да, я не любим...»	15
«Твоя любовь – светла, моя – темна...»	16
«Да, ты любима. Но... ты не бессмертна...»	17
По небу полуночи	18
Другу стихотворцу	19
«Поэзия! Обман, соблазн и прелесть...»	20
Шестикрылый серафим	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Игра в бисер

Андрей Вячеславович Козырев

© Андрей Вячеславович Козырев, 2018

ISBN 978-5-4490-6633-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игра в бисер

*Мы – лишь рисунки на чужой картинке.
Идёт тысячелетняя война,
А мы играем в бисер – по старинке,
Как в глупые былые времена.*

*В каком мы были созданы капризе,
Какому богу взрезались во сны?
Нас веселит игра в бессмертный бисер
На пепле после ядерной войны.*

*Наш бог убог, жилище наше – нище,
Лишь счётчик Гейгера свистит скворцом,
И смотрит с атомного пепелища
Свинья, но с человеческим лицом.*

*Мы смотрим, как легко в гнетущих высях
Кружатся свиньи с крыльями орлов, —
И рассыпаем безупречный бисер
Красивых теорем, мелодий, слов.*

*Да, нас в пробирках создала наука,
И зелена у нас слепая кровь...
Нам только бисер разгоняет скуку
И тешит зренья яркою искрой.*

*Когда сойдут пришельцы с синих высей,
Они найдут в огнеупорной мгле
Лишь наши трупы – и бессмертный бисер
На осквернённой играми земле.*

*Но зря над нами небосвод смеётся!
Нам с нашею игрою повезло:
Уходят свиньи.
Бисер – остаётся!
Над всем в насмешку
и всему назло.*

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи,
Пляшут быстрые лучи.
Небо бьётся, как в падучей,
Звёзды – как огни в печи.
Мчатся бесы, вьются бесы,
Пляшут, мечутся, плюют...
Сани по Руси небесной
Тело Пушкина везут.

Мимо площади Сенатской,
Мимо высей Машука
Мчится конь наш заливчатский
Сквозь эпохи и века.
Буря мглою небо кроет,
Все дороги замело...
– Что вы, барин? – Бог с тобою!
Просто сердцу тяжело.

Громко цокот раздаётся,
Будто всё кругом мертво...
Конь летит, бубенчик бьётся
По-над холкою его...
– Скоро ль дом? – Не знаем сами!
– Ждут ли нас? – Должно быть, ждут!
Вечно по России сани
Тело Пушкина везут.

Гулко кокают копыта
По теченью наших спин...
И молчат, во тьме забыты,
Мёртвый дом и Сахалин.
Вся земля дрожит от гула,
У коня горит зрачок...
Вон Астапово мелькнуло,
Знать, конец уж недалёк...

Ни огня, ни слёз, ни веры, —
Крики, брань, кабацкий мрак...
Только возле «Англетера»
Спотыкнётся вдруг рысак...
– Скоро ль, братец? – Недалечко!
Только выедем с земли...
Лишь мелькнёт Вторая Речка
Там, за вечностью, вдали...

Больше нет на белом свете
Ни чудес, ни естества:
Наша жизнь – огонь да ветер,
Да слова, слова, слова!
Скачка, скачка без запинки,
Без кнута, без шенкелей...
Пушкин... Лёгкая пушинка,
Что небес потяжелей!

– Ждут нас? – Барин, всё в порядке!
Ждут покойнички гостей,
Всё отдавши без остатку
Да раздевшись до костей.
Плачут, пьют, тревожат бога,
Огоньки в глазах горят...
Бесконечная дорога
В рай бежит сквозь самый ад!

И ни песенки, ни сказки...
Мчатся кони день за днём...
– Я устал от этой тряски...
Скоро ль, братец, отдохнём?
...Полузвери, полубоги,
Мчатся тени – их не счесть...
– Скоро ли конец дороге?
– Барин, не серчай! Бог весть!

Козырев – Кутилову

Кутилов —
 глазища
 тусклые.
Бродячая
 правда
 русская.
Смешная
 гордыня
 детская —
И красная
 кровь
 поэтская.
Солдатская
 прямоть
 честная,
нахлебникам
 неизвестная.
Сапсанья
 повадка
 хищная,
для воина
 не излишняя...
Ни серости,
 ни ребячества —
Прочтёшь
 две строки —
 и плачется...
Кровь снова
 стихами
 мается...
– Кутилов! —
 и речь
 срывается.
...Кутилов!
 Рисунки
 пёстрые.
И скифские
 скулы
 острые.
Не пасквилом,
 не пародией —
Ходил
 сквозняком
 по Родине.
Сквозняк

всей Руси
космической —
Сибирский
поэт
трагический!
Ты в небе
зарыт
без надобы —
– Земли тебе было
мало бы!
Сияет
зарёю
гордою
Твой волчий
прищур
над городом.
Твой чёрт
над судьбой
богатырскою
Метелью
метёт
сибирскою:
«Сгоришь
в цвету,
не состаришься...»
А где ты
сейчас
мытаришься?
Не в адской ли чаше
с серою?
– Кутилов
воскресе!
– Верую!
Ты можешь
отчалить
в смерть, но я —
Твоя
праота
посмертная.
Хмельная,
босая,
вешняя —
Держава
твоя
нездешняя,
Козырная
и кутящая —
Русь-матушка
настоящая!

И отдано
 Богу —
 богово,
и отдано
 волку —
 логово.
Стихи
 не горят,
 поэтому —
Поэту
 дано
 поэтово.

Мона Лиза

Я трижды умер, но лишь раз воскрес.
Свой сон земной пройдя до половины,
Я вдруг проснулся в пустоте небес

У вкрадчиво светящейся картины.
Ты, ставшая в веках моей женой,
Здесь в красках, что обманчиво-невинны,

Одна, как перст, за синей тишиной
Сидишь, и над Тобой клубится зыбко
Рассеянный в пространстве голос мой,

И, отражаясь в зеркале улыбки,
Моя душа, из жизни в жизнь бредя,
Припоминает прежние ошибки.

А над Тобою – город из дождя:
Дворцы, холмы, колонны в синей дымке
Меня так манят, сердце бередя,

Стать тенью человека-невидимки,
Пройти сквозь воздух, синий и немой,
Не оставляя следа, без запинки,

И в нежном лимбе, полном тишиной,
До боли, до горячих слёз правдиво
Припомнить всё, что было не со мной.

Тончайший хмель воздушной перспективы
Пьянит, дурманит, будит в нас мечты...
А помнишь, мы когда-то были живы,

Тебе дарил я синие цветы,
И Ты смеялась весело и лживо...
Теперь я хладнокровный, как и Ты,

И полон мир Твоей негорделивой
Посмертной и бессмертной красоты.
Я – вечный отзвук Твоего мотива,

Который по векам скользит, как тень,
Шурша, как звук небесного прилива,
И небо скрытно, словно в Судный день,

И счастье отстрадавших молчаливо.

Кружится в небе шестикрылый свет,
Прозрачный, но вещественный на диво,

И вижу я, что нас на свете нет,
А старость, смерть и горе отменили.
А тонкий яд в сиреновом вине

Воздушной дымки возрастает в силе,
И так жесток чарующий наркоз,
Который будит чувства и в могиле,

Что сладок вкус моих фантомных слёз,
Что боль прошла до нервных окончаний,
Да! – до ресниц, до кончиков волос.

В Твоих глазах – сто лет моих скитаний,
В Твоей улыбке – вечный мой ночлег...
Я стал тончайшим из Твоих сияний!

В Твой золотой и в мой хрустальный век
Нам пишет Бог-Творец из ниоткуда,
Что в нас течёт водой небесных рек

Любовь, обыкновенная, как чудо.

Горькие сонеты

«Моей работой стало – вспоминать...»

Моей работой стало – вспоминать
Слова, поступки, облики и лица...
И я, листая старую тетрадь,
Склонюсь над пожелтевшей страницей.

Я вспоминаю то, чего не знал.
Я с памятью живу одной судьбою.
Я в прошлое спускаюсь, как в подвал,
Мысль, как свечу, держа перед собою.

Где ты сейчас? Увы, ответа нет.
Но вспоминать – вот высшее искусство!
От бега неподвластных людям лет
Бумага пожелтеет – но не чувство.

Коль чувство наше настоящим было,
Оно не станет прошлым, друг мой милый!

«Всё стало ясно. Да, я не любим...»

Всё стало ясно. Да, я не любим.
Ты камень, а не хлеб, мне подарила.
Но этот камень сердцем был твоим —
Холодным, гордым, полным твёрдой силы.

Но верю я, что холод этот – ложь.
В тебе живёт неистовое пламя:
Ты по сердцам, как по камням, идёшь
И камни жжёшь горячими стопами!

Как много надо было мне огня,
Чтоб понял я, о боли не жалея:
Да, ты сильна. Да, ты сильнее меня.
Склонись же перед слабостью моею!

Но все же – как несхожи мы с тобой:
Твоя любовь – скала, моя – прибой!

«Твоя любовь – светла, моя – темна...»

Твоя любовь – светла, моя – темна,
Ведь ей в твоей тени стоять приятно.
Меня чаруют тайна и луна,
Тебя – сиянье дня, где всё понятно.

Твоя любовь беспечна и легка,
Как бабочки крылатой трепетанье...
Моя – в раздумьях, и она горька, —
Моя награда, подвиг, наказание.

Твою любовь постигнет разум мой,
Ты не поймёшь мои живые строки...
Но мы бредем тропинкою одной
И вместе учим горькие уроки.

Я верю: рождены с тобой мы были,
Чтоб день и ночь друг друга полюбили.

«Да, ты любима. Но... ты не бессмертна...»

Да, ты любима. Но... ты не бессмертна.
Чем жизнь короче, тем длиннее миг.
Ты хочешь жизнь измерить мерой верной
И ищешь смысл в реченьях пыльных книг.

Бессмертие – нет тяжелей загадки!
Его мы ищем каждый день и час.
Как поиск горек, а находки – сладки!
А я бессмертье вижу без прикрас:

Оно – не счастье, но и не страданье.
Оно – в продленье нас за гранью дней
Словами, кистью и воспоминаньем,
А также – вечной красотой твоей.

Ты можешь в сердце у меня прочесть:
«Ты будешь, ты была, ты вечно – есть!»

По небу полуночи

По небу полуночи ангел летел
Из мира – в последний предел;
Он сахарный палец держал на губах,
Молча о любви и грехах.

Он певчую душу с земли забирал,
На Суд её нес, и сиял, и молчал,
Но пела о жизни своей, чуть дыша,
Певица, бродяжка, душа.

По небу полуночи отзвук летел,
Пьянил, будоражил, тревожил, звенел,
По небу полуночи песня плыла,
И сахарно таяла мгла.

Хмелён был напев, сочинённый людьми,
Был полон ошибок, прозрений, любви,
Но в ангельском сердце, не тронутым злом,
Остался незримый надлом.

И перенял ангел, как птица, напев,
Что только окреп, в небесах отзвенев, —
И райские гимны ему не смогли
Затмить многозвучья земли.

И сахарный ангел растаял от чувств,
От ангела в небе осталось чуть-чуть —
Лишь нимб фосфорический, градины звёзд
Да лужица сахарных слёз.

Луна пучеглазо смотрела во тьму,
Понятную сердцу, чужую уму,
И запах медовый сквозь время летел
От рая – в последний предел,

Где ангелы меряют жизни на вес,
Где падают мёртвые птицы с небес,
И к нам сквозь пространство исходит тепло —
Холодным светилам назло.

Другу стихотворцу

Арист, ты говоришь, что стих – твоё спасенье,
Превыше всех трудов, превыше всех наград,
Терновый твой венец, и крест, и воскресенье,
И суд, и сад, и ад.

Ты памятник себе воздвиг огнеупорный
Из слухов, хитрой лжи, хвалы и клеветы,
И если кто-то мог писать о ясном спорно,
То это – только ты.

Высокопарный вздор комедий и трагедий
Ты претворил в судьбу, и в ней тебе везло:
Так! – Ты умеешь всех презрительней на свете
Встречать добро и зло.

И твой любимый бес, сухой и моложавый,
Непринуждённость в хитрой выдумке любя,
Всё ходит за тобой, как арендатор славы,
И мучает тебя.

И долго будешь тем известен ты народу,
Что всех изысканней язык ты исказил.
У музы у твоей всё ярче год от году
Блеск стрекозиных крыл.

Господь тебя слепил из глины мокро-зыбкой,
Чтоб научился ты, презрительность любя,
По-чаадаевски, с язвительной улыбкой
Плыть поперёк себя.

...Не тот поэт, Арист, кто рифмы плетть умеет,
Кто в словоблудии сумел достигнуть дна,
А тот, кто, став бессмертным, не жалеет,
Что жизнь – всего одна.

«Поэзия! Обман, соблазн и прелесть...»

Поэзия! Обман, соблазн и прелесть
Почувствовать – рвануться – пасть – взлететь!
Мне слышится бумаги белый шелест —
И мне нельзя ни жить, ни умереть.

Смертельней смерти и живею живого
Тончайший яд нерукотворных строк.
И, нежно распелёнывая Слово
Из белого бумажного покрывала,
Я вижу в нём бессмертия залог...

И что мне мудрость всех Экклезиастов:
Рай – для рабов, а ад – для гордецов...
Мне дан словесный рай, живое Завтра,
Ценней богатств из тысячи ларцов!

И что мне обречённость человека
На пресмыкание в земной пыли!
Лишь на поэтов действует от века
Закон непритяжения земли!

И мозг кипит, свершается работа,
И нам даётся колдовская власть —
Извилистая формула полёта,
Открытая лишь тем, кто смел – упасть!

Шестикрылый серафим

Пушкину

Бесплоден был твой нищий пыл,
Которым тешил ты гордыню,
Но я, прозрачен, шестикрыл,
Сошёл к тебе в твою пустыню.

Я снизошёл к твоим мольбам,
К избытку твоего сиротства,
И дал твоим пустым словам
Мощь собственного первородства.

Я чуть коснулся лба крылом,
Пронзив твой мозг огнём озноба,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.